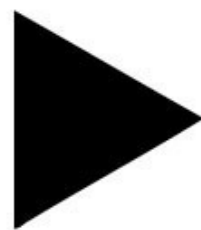

лекции **PRO**

ИСТОРИЯ ИДЕЙ

А. А. Тесля

«ИСТИННО РУССКИЕ ЛЮДИ»

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

ЛекцииPRO

Андрей Тесля

**Истинно русские люди. История
русского национализма**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 122/129
ББК 87.3(2)6

Тесля А. А.

Истинно русские люди. История русского национализма /
А. А. Тесля — «РИПОЛ Классик», 2019 — (ЛекцииPRO)

ISBN 978-5-386-12351-2

Тема национализма была и остается одной из самых острых, сложных, противоречивых и двусмысленных в последние два столетия европейской истории. Вокруг нее не утихают споры, она то и дело становится причиной кровопролитных конфликтов и более, чем какая-либо иная, сопровождается искаженными интерпретациями идей, упрощениями и отжившими идеологемами – прежде всего потому, что оказывается неотделимой от вопросов власти и политики. Для того, чтобы сохранять ясность сознания и трезвый взгляд на этот вопрос, необходимо «не плакать, не смеяться, но понимать» – к чему и стремится ведущий историк русской общественной мысли Андрей Тесля в своем курсе лекций по интеллектуальной истории русского национализма. Лектор в увлекательном повествовании беспристрастно анализирует истоки национализма в России, его разновидности, бурную историю развития и столкновения идей.

УДК 122/129

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-386-12351-2

© Тесля А. А., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Предисловие	6
Лекция 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Тесля

«Истинно русские люди»:

История русского национализма

Рецензенты:

гл. ред. журнала «Полития», профессор НИУ ВШЭ, д. п. н. С. И. Каспэ;

доц. НИУ ВШЭ, в.н.с. ЦФС НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук А. В. Марей.

Данное исследование было выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442)

«Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5-100.

Предисловие

Л.К.

Эрнст Геллнер в своей классической работе о национализме отметил, что не имеет смысла останавливаться на идеологии национальных движений, поскольку с интеллектуальной точки зрения они не представляют особенного интереса – это во многом справедливо, поскольку речь идет о прагматических высказываниях и идеологических комплексах, следовательно, их интерес не в них самих (или таковой может заключаться лишь случайным образом, не будучи необходимым содержанием), а в том действии, которое они способны производить, – т. е. способны ли они вдохновлять интеллектуалов, мобилизовать массы, могут ли они предложить яркие формулировки и запоминающиеся образы, насколько они устойчивы перед внешними вызовами, насколько способны меняться в соответствии с меняющейся ситуацией и апроприировать новую повестку.

Обсуждать конкретные националистические идеологии построения как самостоятельные интеллектуальные построения, действительно, имеет мало смысла – об этом, на мой взгляд, и говорил Геллнер: в отличие от философских концепций, они обладают смыслом исключительно в своем месте и своем времени – к ним не применимы характеристики истинности или ложности, подобно тому, как бессмысленно спрашивать об истинности или ложности суждения «поди свари кофе». Речь идет о том, работают ли эти построения, производят ли эти идейные комплексы эффект – и насколько он соответствует тому, который задумывался.

И тем не менее – вопреки ранее сказанному – интеллектуальная история национализма имеет свой смысл, причем весьма разнообразный. Первый аспект самоочевиден – эта история является составной частью истории общественной мысли конкретной эпохи, без знания ее остается не вполне понятной, например, история культуры – так, вне националистического контекста как само образование «могучей кучки», так и история создания и восприятия «Хованщины» или «Князя Игоря» остаются по меньшей мере неполными. Если сами националистические построения и не имеют особенного интеллектуального интереса, то их конкретные воплощения таковой безусловно представляют – националистическое значение может быть и способом легитимации для конкретных интеллектуальных проектов и культурных практик, и, напротив, явиться орудием критики, аргументом, направленным против них, – как споры о художественном значении и культурном масштабе творчества Тараса Шевченко, ведшиеся во второй половине XIX в. и звучащие сейчас, чаще всего имеют слабое отношение к поэзии как таковой.

Второй аспект заключается в том, что всякая идеологическая конструкция имеет свои границы – во-первых, это границы «видимого», того, что фиксируется и что позволяет она фиксировать, какие различия производит и, напротив, что выступает в качестве неразличимого. Иными словами, идеология – это язык описания реальности и в качестве такового она влияет не только на всех участников идеологического взаимодействия: идеолог сам оказывается подвластен своей идеологии.

Из этого следует, во-вторых, что идеологическая конструкция определяет до известной степени и возможность действия – независимо от того, насколько инструментально к ней относятся сами идеологи. Так, например, коммунистическая идеология не стала препятствием для заключения договора между Советским Союзом и Третьим Рейхом на исходе августа 1939 г., но внезапный союз стал проблемой, например, не только для международного коммунистического движения, но и внутри Советского Союза – растерянность, непонимание происходящего, затруднение в перестройке аргументации, попытка сохранить привычную идеологическую кар-

тину в новых условиях и создать некоторые компромиссные объяснения происходящего были повсеместны.

Если вновь обратиться к классикам, то можно напомнить известное определение Карла Маркса идеологии как «ложного сознания»: независимо оттого, насколько мы в данный момент готовы актуализировать проблематику «истинного сознания», необходимо подчеркнуть, что идеология выступает именно способом осознания мира – иными словами, она определяет то, как мы воспринимаем реальность или какой-либо ее аспект, а это восприятие определяет наши действия.

Из этого вытекает и третий, наиболее важный с точки зрения интересующей нас проблематики, аспект – а именно то, что идеология является определенным идейным, интеллектуальным комплексом. Изучение интеллектуальной истории значимо постольку, поскольку идеи не произвольны – т. е., хочу я сказать, они обладают логическими следствиями, автономной логикой развития: приняв в качестве исходных ряд положений, мы можем быть далеки от того, чтобы иметь представление о логических следствиях, из них вытекающих, – но мы не свободны от последних, более того, они обнаружатся в наших действиях – вынуждая нас *post factum* или принимать их как неизбежное последствие тех принципов, верность которым мы храним (и потому примиряемся с нежелательными следствиями, принимая их как «допустимые издержки»), или же пересматривать сами исходные принципы. И в том и в другом случае мы демонстрируем свою несвободу от автономной логики идей – не желая принимать следствия, мы можем объявить их случайными, частными случаями, не влияющими на исходные основания, – или же, напротив, представить фактическое положение как следствие идей, принятых нашими оппонентами, не желающими (справедливо или нет) считать себя ответственными за него.

Когда речь идет об *автономной логике идей*, то мы отнюдь не имеем в виду, что идеи независимы от ситуации, их выбор не определяется в той или иной степени интересом – однако значение имеет то, что этот выбор не детерминирован последним и, более того, мы способны оставаться верными идеям и в том случае, когда их результаты оказываются противоречащими нашим интересам. Более того, независимо от вопроса об интересе, обуславливающем наш первоначальный выбор, в дальнейшем мы оказываемся в ситуации, уже преобразованной сделанным нами выбором – связанными им в большей или меньшей степени, отказ от него, что достаточно очевидно, не возвращает нас в исходную ситуацию, а оставляет в уже преобразованной первой.

Таким образом, если интеллектуальная история национализма достаточно ограничена в своих возможностях рассказать нам о природе и истории национальных движений, формировании и развитии национализмов (здесь во многом продуктивнее обращение к социальной истории и смежных с ней дисциплинам), то она весьма информативна в раскрытии того интеллектуального аппарата, которым пользуются национализмы, в анализе «способов сборки» конкретных интеллектуальных конструкций и анализе языков национализмов, в первую очередь относительно успешных, поскольку они становятся для большинства использующих их «прозрачными», само собой разумеющимися. Так, например, мы привычно говорим о «национальных особенностях», способны рассуждать о «национальных характерах» и «традициях», отсылать к «французскому менталитету» или видеть в том или ином персонаже «типичного немца» или «русского», наше описание мира чаще всего осуществляется через понятийную рамку «наций» и «национальных государств»: крупные объекты, которые мы выделяем в мире, это Италия, Польша, Венгрия, Россия.

Следует, впрочем, предостеречь и от иного варианта неверного понимания – то, что данные понятия, такие как «национальные государства» или «нации», имеют собственную генеалогию и выступают лишь одной из возможных рамок понимания способов кадрирования реальности, не означает их ложности – в смысле, далеком от того, как он обсуждался чуть

ранее. Национальные государства являются, по меньшей мере, одними из наиболее значимых и влиятельных политических субъектов в современной реальности – и, следовательно, то, что мы в первую очередь фиксируем их, определяем наблюдаемые процессы через соотнесение с ними, идентифицируем и классифицируем людей в зависимости от их национальной принадлежности – не произвольное действие, эти классификации работают (в разнообразных смыслах: отчасти потому, что позволяют нам предсказать, например, поведение другого человека, отчасти потому, что поведение других будет во многом определяться тем, как они идентифицировали другого, каким образом описали ситуацию – и, следовательно, в силу этого их описание оказывается верным по своим последствиям, по меньшей мере в плане объяснений их действий – и если последние имеют более или менее совпадающий с ожидаемым результат, то это значит, что ситуация была описана верно в прагматическом плане).

* * *

В данной работе понятия «национальное» и «националистическое движение» используются как синонимичные, также отметим, что термин «национализм» употребляется нами без оценок, равно как и «империя», «колония» и производные от них. В большинстве случаев в работе мы старались прибегать к понятиям, используемым современниками, – соответственно, когда мы их вводим, то обозначаем кавычками, которые в дальнейшем в тексте снимаются: нередко в наши дни эти слова приобрели другие значения или на передний план вышли другие оттенки смыслов, слова и обороты, бывшие некогда нейтральными, приобрели оценочность, и наоборот. Мы постарались учесть эти аспекты интерпретации, работая над текстом книги, но не всегда это было возможно – потому просим непременно иметь в виду, что речь идет о феноменах прошлого и о событиях более чем столетней давности: за это время изменились не только политические границы, но и границы политического языка. Нашей целью было избегать любого политического высказывания, имеющего непосредственное отношение к современности – для подобного есть другие места и ситуации. Это не означает, что у данного текста отсутствуют те или иные социально-политические, культурные и т. п. имплементации – от них не свободен автор, а следовательно, не может быть свободен и текст, однако они определяются тем, что вытекают из авторской оптики: в силу этого нечто оказалось неувиденным или не оцененным по достоинству в тех сюжетах, которые рассматриваются в тексте, ряд вопросов оказался не заданным, поскольку автор оказался к ним недостаточно восприимчив, однако это же обуславливает и то, что были заданы другие вопросы, которые иная оптика делала бы недоступными или не заслуживающими столь пристального внимания. Со своей стороны автору остается отметить, что он делал все, чтобы не только смотреть так, как он смотрит, но и рефлексировать свою позицию; насколько ему это удалось – судить читателю.

* * *

Для удобства чтения кратко остановлюсь на структуре книги: 1-я лекция посвящена общему обзору теорий национализма последних десятилетий, последующее изложение в целом построено хронологически – в лекциях 2–4 рассматриваются ранние варианты русского национализма, 2-я лекция характеризует положение Российской империи в начале XIX в. и особое внимание уделяет националистическому содержанию в воззрениях декабристов, 3-я лекция сосредоточена на формировании и утверждении доктрины «официальной народности», в 4-й рассматривается антинационалистический историософский проект П. Я. Чаадаева и анализируются теоретические основания славянофильства. В 5-й лекции, посвященной раннему украинскому национализму, я позволил себе некоторое отступление от хронологии: поскольку сюжет отличается логической связанностью, то мне представлялось предпочтительным дове-

сти его рассмотрение до конца Российской империи. В 6-й и 7-й лекциях рассматривается развитие русского национализма в новых условиях, в пореформенный период, причем в 7-й лекции акцент сделан на двух противостоящих позициях – с одной стороны, на анализе нового варианта «официальной народности», предложенного К. П. Победоносцевым и, с другой – на критике национализма со стороны Вл. С. Соловьева. Наконец, в последней, 8-й лекции подводятся итоги того пути, который русский национализм прошел к началу XX в., и дается краткая характеристика новых тенденций¹.

* * *

Среди авторских обязанностей есть одна, которая неизменно доставляет удовольствие, – это долг поблагодарить тех, без кого данная книга была бы невозможна. В моем случае перечень тех, кому я обязан – их времени, опыту, поддержке и доброжелательному вниманию, – очень велик, и, к моему несчастью, я не могу назвать всех. Но несколько имен мне просто невозможно не назвать, поскольку без них ничего бы не получилось: я глубоко признателен Глебу Олеговичу Павловскому, Михаилу Яковлевичу Рожанскому и Александру Фридриховичу Филиппову, безмерна и моя признательность коллегам по Тихоокеанскому государственному и Балтийскому федеральному университетам, у которых я неизменно находил понимание и поддержку в своих начинаниях. Щедрая поддержка со стороны Совета по грантам Президента РФ, Германской службы академических обменов (DAAD) и Германского исторического института в Москве дали самое драгоценное – досуг, возможность обдумать и написать этот текст.

---

¹ В книге частично использован материал ранее опубликованных статей, а именно: (1) в состав гл. 3 вошла ранее опубликованная в «Русском Журнале» статья «Создавая единую историю»; (2) в гл. 6 частично использована статья «Концепция общества, народа и государства И. С. Аксакова (первая половина 1860-х гг.)», первоначально опубликованная в № 1 за 2013 год журнала «Полития»; в гл. 7 частично использованы статья (3) «Русский консерватор: о системе политических воззрений К. П. Победоносцева 1870-1890-х годов», опубликованная в № 1 журнала «Социологическое обозрение» за 2017 г.

Лекция 1

О понятии «национализм» и логике процесса нациестроительства

– Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? – радостно воскликнул я.

– Конечно, – ответила саламандра. – Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. Это было великое время, сударь.

– Да, тяжелое время, – подтвердил я, – время неволи и горя.

– И вы стонали? – с жадным интересом осведомился наш друг.

– Стонали, невыразимо стонали под ярмом свирепых угнетателей.

Карел Чапек. Война с саламандрами (1936)

Термин «нация», как и целый ряд других терминов нашего юридического и социально-политического языка, пришел в русский, как и во все основные европейские языки, из латыни. На протяжении двух с половиной тысяч лет своего функционирования он сменил целый ряд значений, о чем существует большая и в высшей степени интересная литература², к которой мы и отошлем – позволив себе напомнить лишь основные этапы. В Риме *natio* использовалось для обозначения различных групп пришельцев, в отличие от граждан – в Средние века термин меняет значение и уже у Беды Достопочтенного используется как синоним *gens*, «народов». Средневековые студенческие корпорации также обозначались при помощи термина *natio* – так, в средневековой Сорбонне (1237) насчитывалось четыре «нации»: (1) галльская, (2) норманнская, (3) пикардийская и (4) английская, причем в первую, галльскую, входили студенты, бывшие выходцами и из других романских стран, тогда как «английская нация» включала немцев и выходцев из других северных стран, а также жителей владений английского короля на континенте. «Нации» Сорбонны делились в свою очередь на «провинции». В Болонье примерно в то же время (1250) структура была аналогичной, но терминология различалась: студенты делились на две корпорации по географическому принципу: (1) «цитрамонтанов» и (2) «ультрамонтанов» (как понятно по названию, критерием разграничения были Альпы), каждая из них делилась на три части, а уже эти последние подразделялись на *nationes*, которые обычно по смыслу переводят как «землячества» (*nationes* насчитывалось всего 30, 17 в первой корпорации и 13 во второй)³. По тому же принципу делились и участники церковных соборов – а в XIV в. «нациями» в городах Фландрии именовались вновь землячества, на сей раз купцов – выходцев из Венеции, Генуи, немецких городов, обладавших корпоративными правами. В дальнейшем значение продолжало меняться – так, в XVIII в. «нацией» именуются дворянские корпорации – под «польской нацией» (*narod polski*) понимается шляхта, аналогично и в Венгрии (*natio hungarica*). В этом же смысле уже по-русски употребляет термин «нация» Яков Иванович Булгаков, выступая по поводу польских дел в 1792 г. и заявляя, например:

---

² См.: (1) Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 2 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014; (2) *Хобсбаум* Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998; (3) *Миллер* А. И. Нация, или Могущество мифа. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016 – и приведенные в них библиографические указания для дальнейшего чтения.

³ Польского и внутренних губерний Российской империи, в Санкт-Петербургском университете в 1837 г. возникнут две корпорации: *Baltica* и *Ruthenia*, просуществовавшие вплоть до закрытия по Высочайшему повелению в 1844 г.

«Знаменитое преимущество избрания Польских Королей, принадлежащее Нации» – т. е. имея в виду дворянское сословие.

Аналогичным образом еще ранее употребляет термин «нация» Денис Иванович Фонвизин в «Рассуждении о непременных государственных законах», написанных в начале 1780-х гг. Во Франции парламенты⁴ рассматривали себя как представители «нации» (nation) перед королем – на протяжении XVIII в. понятия «народа» и «нации» сближались и, как отмечает Р. Шартье, «намечаются контуры новой политической культуры» – так, например, в статье «Народ», написанной Жокурром для «Энциклопедии» Дидро и Д’Аламбера, говорится о рабочих и крестьянах как «самой многочисленной и самой необходимой части нации», однако при этом не допускается «и мысли о том, что они могут участвовать в управлении государством» и, что еще важнее, за ними не признается права на мнение – последнее принадлежит обществу (в смысле «образованного», «хорошего общества», уже отделившегося к этому времени от общества придворного).

В этом французском словоупотреблении XVIII в., времен «старого режима», видно, как формируется и вызревает новый смысл – который будет отчетливо заявлен в 1789 г., и этот язык, на котором заговорят перед созывом Генеральных штатов, на котором Сийес говорит уже в своей брошюре «Что такое третье сословие?» (отвечая, что сейчас оно является ничем, но должно быть всем), этот язык уже будет понятен всем. Этот новый смысл отчетливо формулируется Сийесом, утверждающим:

«Третье сословие охватывает [...] все, что нужно для нации; а все то, что не есть Третье сословие, считать себя составной частью нации не может». Нация есть «эгалитарное общество граждан», «корпорация компаньонов, живущих по одному общему закону и представляемых одним и тем же национальным собранием».

Нация есть носитель суверенной власти: «Ее воля всегда законна, ибо сама и есть закон. Раньше и ниже нации существует только естественное право» – но в принципе очень схожее уже утверждает французский энциклопедический словарь 1785 г., не договаривая, разумеется, тех выводов, которые отчеканит Сийес:

«Нация есть тело Граждан, народ есть совокупность подданных королевства. [...] Король есть глава нации и отец народа».

«Нация» теперь выступает понятием революционным – означая «народ политический» и в идеале делая всех подданных – гражданами. Именно с этим новым значением понятия мы и будем иметь дело в данной книге – не всеми оно будет приниматься, ему будут придаваться новые значения и смыслы, однако перспектива XIX в. определяется этим новым смыслом – теперь разговор о нации есть разговор политический, вопрос о том, как возможно политическое сообщество, что значит быть гражданином и есть ли необходимость быть им.

* * *

С 1950-х гг., со времен выхода работы Ганса Кона, стало привычным делить национализмы (имея в виду в первую очередь европейские, на примере которых и была создана данная типология) на (1) гражданские и (2) этнические, причем эта типология фактически совпадала

---

⁴ Судебные учреждения, существовавшие до 1789 г. и несшие обязанность вносить в свои реестры королевские указы, в связи с чем пользовались правом ремонстрации – что было предметом противостояния королей и парламентов, обострившегося с 1750-х и приведшего к временной ликвидации их в 1770 г. путем замены т. н. «парламентами Мопу», по имени министра Людовика XV, проводившего эту реформу. После смерти Людовика XV и восшествия на престол его внука, Людовика XVI, парламенты были восстановлены.

с делением по культурным регионам – а именно на национализмы (а) западноевропейские и (б) центрально- и восточноевропейские.

Следует прежде всего отметить, что, несмотря на масштабную критику данной типологии, на данный момент отвергнутой в научном плане, в ней есть рациональное зерно, которое – наряду с идеологической заданностью – обеспечивает регулярное возвращение к ней. Действительно, обращаясь к истории европейских национализмов, достаточно очевидно различие, существующее между западноевропейскими и центрально-и восточноевропейскими – более того, целый ряд исследований, стремящийся выстроить последовательную и логическую схему развития национальных движений, как правило, обращаются к конкретному региону – и наиболее успешным и известным примером такого рода типологического построения является схема, разработанная на центрально- и восточноевропейском материале Мирославом Хрохом, к изложению и анализу которой мы обратимся позднее (см. гл. 3).

Значимость данного противопоставления проявляется не столько в рамках исторического описания, сколько как нормативного – достаточно напомнить концепцию «конституционного национализма» Юргена Хабермаса. Правда, в отличие от такого рода нормативных подходов, типология Кона предполагает, что в случае с западноевропейскими государствами и обществами мы имеем дело со значительным приближением к нормативному идеалу, в то время как для центрально- и восточноевропейских стран уместным оказывается говорить об историческом и культурном бремени, препятствующем им достигнуть данного состояния.

Согласно данному подходу, гражданский национализм означает принадлежность к своему национальному сообществу, определяемому по критерию гражданства, – образцовой в этом случае выступает французская ситуация, где каждый гражданин Франции, например, по конституции 1791 г., является французом. Таким образом, понятия «национальной принадлежности», «национальности» и «гражданства» совпадают, о чем и свидетельствует, например, визовая анкета – где графа *nationality* означает вопрос о том, гражданином какого государства вы являетесь. Напротив, центрально- и восточноевропейские национализмы являются «этническими», т. е. вопрос национальной принадлежности – это не вопрос о гражданстве, а о том, к какой этнической группе вы принадлежите.

В первом случае вы можете выбрать и/или сменить национальность – приняв гражданство другой страны. Во втором если и можно представить себе смену национальности, то это значительно более сложный вопрос, который к тому же мало зависит от вашей воли – для того, чтобы быть немцем, нужно одновременно и значительно больше, и значительно меньше, чем чтобы быть гражданином Федеративной Республики Германия. Логика смены национальной/этнической принадлежности в этом случае описывается в категориях «германизации», «обрусения», «мадьяризации» и т. п., каковые могут быть как добровольными, так и насильственными.

Различие между двумя типами национализмов связывалось с различием исторической ситуации – в первом случае государственная рамка (*stato*) уже существовала, речь шла о том, чтобы на смену подданным (обладателям статусов, прав в смысле привилегий) пришли граждане. Подданные короля Франции до 1789 г. не были равны ни между собой, ни в отношении к королю – речь идет не только о представителях разных сословий, но и разных провинций – были провинции со штатами и без, провинции завоеванные и провинции присоединенные по соглашению, королевство Наварра находилось в унии с Францией, однако уния носила личный, а не реальный характер⁵. Революция провозгласила, что отныне все подданные француз-

⁵ В связи с чем после смерти в 1795 г. принца Людовика, считавшегося монархистами после казни в январе 1793 г. его отца, Людовика XVI, королем Людовиком XVII, стал особенно актуальным вопрос о замужестве его сестры, принцессы Марии-Терезы-Шарлотты, – рассматривавшийся вариант замужества за членом Австрийского дома был принципиально отмечен, поскольку с юридической точки зрения оставался вопрос о наследовании престола Наварры, на которую не распространялся Салический закон и трон которой соединился с французским только в 1589 г., после пресечения династии Валуа и перехода

ского короля являются гражданами – т. е. равными между собой, носителями одних и тех же гражданских прав и обязанностей (с чем связана и отмена титулов, поскольку они в это время рассматривались в еще живой логике политических прав, связанных с обладанием ими, т. е. обладатель титула утверждал свое публично-правовое неравенство с гражданином).

Итак, в случае Франции подданные уже существующего государства превратились в его граждан – «французская нация» в данном случае выступала как носитель политических прав, состоящая из сограждан, быть гражданином Франции и означало принадлежать к «нации». Но в ситуации восточнее французских границ подобная логика оказывалась бессильна, поскольку никакого подобного политического тела не существовало, – так, в ситуации Германии не было возможности конвертировать подданство государству в гражданство, поскольку саму Германию еще предстояло создать: на смену массе разнородных политических образований, входивших в состав Священной Римской Империи под во многом уже номинальным главенством императора, должно было прийти государство.

Специфика центрально- и восточноевропейской ситуации заключалась в том, что здесь нация должна была образоваться, сделаться зримой – чтобы затем получить возможность обрести полноту своего существования, т. е. образовать собственное государство, границы которого в идеале должны были совпадать с границами нации. Таким образом, нация и ее тело – национальные границы – должны были стать зримыми до того, как станут государственными, следствием первого в этой логике и должно было бы стать проведение вторых.

Тем самым существующие границы не могли служить исходной точкой отсчета – для этого надлежало найти иные критерии, позволяющие отграничивать «своих» от «чужих». Из этой ситуации неизбежно возникает вариативность национальных проектов, поскольку границы здесь оказываются тем, что еще необходимо провести – и понятно, что в качестве разграничительного признака может выступить весьма различное: язык, конфессиональная принадлежность, существующие границы, историческое наследие и т. д. Так, в случае с Германией, можно было по словам «патриотической песни» полагать, что она распространяется до тех пределов, до каких звучит немецкая речь, можно было, вслед за многими из польских патриотов, полагать, что границы Польши должны повторять те очертания, которые имела Речь Посполитая до первого раздела, в 1772 г., – а все те, кто населяют эти земли, должны войти в состав будущего польского государства, стать его лояльными и преданными гражданами. Однако в любом случае в Центральной и Восточной Европе процесс нациестроительства оказался связанным с этническим фактором – национальное строилось на основе тем или иным образом модифицированных пригодным к политической интерпретации образом этнических факторов.

В рамках данного прочтения «этнический национализм» оказывался вполне исторически объяснимым, но случайным обстоятельством – политическая архаичность обществ, расположенных к востоку от Рейна, отсутствие сложившихся современных государств, образование которых приходилось на то же самое время, что и складывание наций, приводило к тому, что государство не могло выступить монополистом в последнем процессе, напротив, здесь процесс образования современных государств и наций оказывался двуединым. Напротив, в западноевропейском случае подобных осложнений не было, поскольку нация и была политической общностью, «политическим народом» данного государства – и так как государство уже существовало, то в одном государстве не только не должно было быть, но и не было нескольких конкурирующих наций, поскольку таковая оказывалась производной от государства.

Однако исторические реалии, как и говорилось, далеки от подобной схемы – если о «гражданском» и «этническом национализмах», на взгляд многих авторов, и продуктивно

короны к Генриху IV Наваррскому – в итоге принцесса была выдана замуж за племянника короля и наследника престола по нисходящей линии, герцога Ангулемского, что минимизировало угрозу отпадения Наварры.

говорить как о понятиях, позволяющих анализировать процессы в прошлом и настоящем, то отождествлять «гражданский национализм» с какой-либо реально существующей исторической общностью или полагать, что «этнизация» является случайным обстоятельством, отнюдь не необходимо связанным с «национализмом», не приходится⁶.

Если Францию обычно приводят как пример «гражданского национализма», то более подробное обращение к историческому материалу свидетельствует, что Франции вполне присущи черты, которые связывают с национализмом этническим. Вторая империя (1852–1870) во главе с Наполеоном III вполне демонстрирует логику «собирания» французов в этническом смысле – добиваясь присоединения к Франции в 1859 г. Савойи и Ниццы и стремясь в 1867 г. к аннексии франкофонной части Бельгии (как ранее подобная же цель была характерна для значительной части либералов и радикалов Июльской монархии). Французская история XIX в. дает пример ситуативного обращения к различной по своей природе аргументации – от логики собирания всех компактно проживающих «французов» (определяющихся по различным критериям, чаще всего по языковому) в рамках одного государственного целого вплоть до логики «естественных границ» (каковой на востоке выступает граница по Рейну): перед нами не единая последовательная аргументация, а обращение к различным по своей природе аргументам, в зависимости от ситуации пригодным, дабы обосновать территориальную экспансию или право на удержание уже завоеванных территорий. Аналогичным образом, вполне этнонациональная логика проявится уже во времена Третьей Республики, в ходе деле Дрейфуса – для французских республиканцев оно станет существенным испытанием, в отличие от приведенных ранее примеров, поскольку теперь вопрос будет стоять не об экспансии, а о существующем национальном целом, т. е. о том, что далеко не все граждане Франции могут в равной степени рассматриваться в качестве «французов»: противостояние дрейфусаров и антидрейфусаров выявит глубокий конфликт внутри французского общества о том, кого можно считать лояльными гражданами, продемонстрировав, что для многих – чтобы считать другого принадлежащим к той же политической общности, лояльным ее членом, – требуется многое, выходящее за пределы гражданских критериев.

В современной ситуации мы сталкиваемся по существу с теми же проблемами – как отмечает Бернанд Як, анализируя «конституционный национализм» Юргена Хабермаса, призывы последнего к национализму как верности конституционным принципам, старательно очищенным не только от всякого призрака этничности, но и от апелляций к историческому прошлому, традиции и т. п., обретают вес и смысл только в перспективе не называемого, но подразумеваемого исторического прошлого – немецкой катастрофы 1933–1945 гг., поскольку в противном случае остается совершенно непонятным, почему границы для этой общности пролегают так, а не иначе, что является столь сильным спланивающим мотивом совместно избегать иных, выходящих за пределы чисто конституционных, оснований единства. Гражданский или, в предельной форме, конституционный национализм содержит апелляцию к прошлому – если не в явном, то в скрытом виде, не в позитивной, а в негативной отсылке: общее прошлое, которое нас объединяет, может быть и прошлым, повторения которого мы решили во что бы то ни стало не допустить, это может быть общая вина – но в любом случае «общность» эта предшествует индивидуальному существованию: мы наследуем, а не начинаем с чистого листа.

С 1980-х, а в особенности в 1990-е в центре внимания оказался «конструктивистский» поворот в понимании наций и национализмов. Формулируя предельно обще, можно сказать, что «конструктивизм» в лице таких исследователей, как Эрнст Геллнер или Эрик Хобсбаум,

⁶ Более того, в современной ситуации происходит отказ от жесткого разграничения «национального» и «этнического», характерного для дискуссий 1980-х—1990-х гг.: этническое в них выступало неполитической категорией, а этнические описания воспринимались как объективное, нейтральное описание многообразия человеческих общностей. В последние полтора десятилетия ситуация предсказуемым образом усложнилась – поскольку стало вполне очевидным, что производство этнических различий и языки этноописаний сами включены в общую логику процессов национализации.

исходил из тезиса о «модерной» природе наций – последние есть феномен современности, и говорить о нациях применительно к предшествующим эпохам в том же смысле, в каком мы говорим о европейских нациях XIX в., принципиально ошибочно. В логике Геллнера процессы нациестроительства непосредственно связаны с наступлением индустриального производства – когда, радикально упрощая, на смену крестьянам приходят рабочие.

Индустрия – это стандартизация, в том числе и стандартизация рабочей силы – рабочие должны быть способны выполнять идентичные задания идентичным образом, должны быть включены в массовый, т. е. в числе прочего стандартизированный (что и позволяет его массовизировать) рабочий процесс, понимать инструкции и приказы, которые к ним обращены, взаимодействовать друг с другом в рамках трудовых функций. Это означает, что рабочие должны получить минимальное опять же стандартизированное образование – научиться читать и писать, иметь общий язык с другими рабочими и с начальниками, т. е. говорить не на своих местных диалектах, а на одном языке с другими. Согласно классическому объяснению Геллнера, модерное общество в отличие от предшествующего предполагает не (только) вертикальную, но и горизонтальную связь – т. е. интенсивность горизонтальных взаимодействий и их территориальный охват принципиально увеличились.

Это не означает, что в домодерном обществе не было, например, контактов на больших расстояниях – но эти контакты не были массовыми. Так, например, можно сказать, что в Высокое Средневековье интеллектуальные обмены между членами университетских корпораций географически были интенсивнее, чем к концу XIX в. – если к концу этого столетия каждая из больших европейских стран обзавелась собственной университетской системой, в первую очередь поддерживающей контакты внутри себя и имеющей довольно ограниченные внешние контакты, то в XV в. верно будет говорить об общеевропейской университетской системе. В особенности это заметно на уровне студентов, которые для XIV–XV вв. будут выходцами из самых разных стран, зачастую получающих образование в различных, весьма удаленных друг от друга университетах – русский, немецкий или французский студент 1880-х за редкими исключениями учится в своей собственной стране. И этому способствует не только то, что теперь образование, как правило, ведется на «национальном языке», в отличие от латыни, бывшей базовым языком университетского преподавания в Европе еще в XVIII столетии, – стандартной является практика создания все новых и новых препятствий к признанию дипломов и степеней, полученных в других странах: это общий процесс постановки образования под государственный контроль. Возвращаясь к обсуждаемому вопросу – на приведенном примере можно видеть, что речь применительно к модерну идет именно о массовизации обменов: домодерные общества могли обладать вполне космополитичными элитами – и каждая империя предоставит этому яркий пример, – однако подавляющая часть жителей вела вполне ограниченное от других, таких же, как они, групп существование. Контакты с центром и контакты с другими группами носили ограниченный характер – и потому, например, местные диалекты могли существовать и стабильно воспроизводиться, возникать и развиваться разнообразные местные культурные практики, локальные культы и т. п. – взаимодействие строилось в первую очередь «вертикально», поскольку в условиях слабо развитого товарного производства нет стимулов для развития горизонтальных обменов. Империи могли объединять десятки миллионов подданных, но повседневная жизнь большей части этих рядовых подданных мало менялась от этих перемен, равно как от того, какой короне в данный момент принадлежала данная провинция.

Индустриальное развитие создает массовое общество – а в культурном и политическом отношении это массовое общество практически тождественно нации: для того, чтобы могло существовать индустриальное производство, необходимо, чтобы по возможности все обладали минимальными необходимыми культурными навыками, т. е., например, были грамотны, чтобы прочесть инструкцию и получить информацию о происходящем из газеты, причем на одном языке, они должны обладать минимальными общими представлениями, культурными обра-

зами, чтобы понимать друг друга и те образы, к которым апеллируют, оказывались бы общезначимыми (например, имя Жанны д'Арк должно нечто говорить любому взрослому французу, независимо от того, насколько он образован и где именно он живет, а Фридрих Барбаросса должен у любого немца вызывать образ длиннорободого старца в латах, сидящего на своем троне где-то в горах):

«Национализм очень глубоко уходит корнями в своеобразные структурные требования индустриального общества. Это движение не является плодом идеологической абстракции или эмоциональной неводержанности. [...] это движение является внешним проявлением глубинного процесса урегулирования отношений между государством и культурой, которое совершенно неизбежно».

Хобсбаум в инициированном им сборнике «Изобретение традиций» и затем в ярком эссе «Нации и национализм после 1780 года» продемонстрировал, что обычная для националистического дискурса отсылка к «традициям», выстраивание генеалогий, уходящих в далекое прошлое, – имеет мало общего с действительностью. «Традиции», в том смысле, когда мы говорим о традициях «шотландских» или «французских», – феномен не только недавний, но и возникающий в тот момент, когда традиционный уклад жизни подвергается радикальным переменам: мы обращаемся к традициям тогда, когда они, собственно, уже отходят в прошлое – более того, логика «сохранения традиций» здесь не действует, поскольку радикально меняется контекст – так, на примере известной шотландской клетки, якобы присущей каждому из кланов, было продемонстрировано, во-первых, что сама эта система возникла усилиями непрофессиональных этнографов, историков и любителей старины в 1820-1830-х гг., и, во-вторых, вписана в гораздо более любопытный процесс – а именно создания «шотландскости», где за образец последней были взяты обитатели северных, горных районов Шотландии, традиционно противостоявшие и противопоставляемые обитателям Lowland'a с центром в Эдинбурге, но конструировалась эта «шотландскость» именно в низинной Шотландии, в противопоставлении с Англией.

В данном случае можно видеть ту общую логику, которая мыслит процесс нациестроительства как составную часть модерна – образования больших общностей, каковыми и являются нации: в предшествующие эпохи «шотландскость» не существует, поскольку нет запроса на актуальную общность подобного масштаба – напротив, в условиях современного общества, с его, в частности, системами коммуникации, экономических, социальных и информационных обменов, образуются большие человеческие сообщества и возникает запрос на систему средств их описания и (само)соотнесения себя с ними.

Национализм предстает как способ сплочения общества – в смысле территориальной и политической общности. В этом смысле современное государство появляется до нации – но, развиваясь, оно не может существовать без последней, поскольку смысл ее заключается в том, чтобы члены этого территориального сообщества воспринимались как «свои», а находящиеся за его пределами – как «чужие», независимо от того, что по целому ряду параметров ситуация может представляться совершенно иной: попросту говоря, французский рабочий, в той мере, в какой он осознает себя французом, членом французской нации, способен проявлять солидарность с французским промышленником, а не с немецким рабочим. При конкурирующих лояльностях в ситуации конфликта между ними национальная должна оказываться преобладающей – в этом смысле Кожев, например, отмечал, что между государством и католической церковью существует принципиальный, структурный конфликт, который обе стороны научились минимизировать, и в силу той же логики коммунистическая партия, действительно являющаяся коммунистической, не может быть терпима в государстве – поскольку утверждает партийную лояльность выше национальной, в отличие от других политических партий, помещающих

политическое противостояние в национальную рамку. Если описать ту же ситуацию в марксистской оптике, то национализм – способ подмены классовых конфликтов, причем, поскольку этот способ является действенным, это означает, что за ним лежит реальное содержание – а именно действительное единство интересов, связанное с территориальным единством: национальное государство образует экономическую, социальную, культурную общность и, следовательно, порождает общие интересы, связанные с развитием, например, национальной экономики – по крайней мере до тех пор, пока национальные экономические системы существуют, т. е. связи внутри национальной общности значимее, чем вовне (например, внутренний рынок является основным).

При всей столь подчеркнутой – в первую очередь Геллнером – роли государства может возникнуть вопрос о феномене национальных движений, направленных против государства, стремящегося к образованию гомогенной нации. В рамках данной теоретической схемы национальные движения – естественная часть процесса, связанная с тем, что национализирующееся государство (которое само находится в процессе становления, т. е. национализация есть аспект становления современного государства, в нормативном смысле являющегося национальным государством) оказывается неспособным достаточно эффективно гомогенизировать население. Причины этого могут быть крайне разнообразны – начиная с того, что у государства отсутствуют достаточные ресурсы для проведения национальной политики достаточной степени интенсивности⁷, и вплоть до того, что имеющееся социальное и культурное многообразие слишком велико, чтобы быть включенным в единый гомогенизирующий проект – и при этом, например, существуют другие политические субъекты, например, соседнее государство, реализующее проект, в который часть населения данного государства имеет возможность включиться с меньшими издержками, чем в реализуемый своим собственным государством. Более того, очевидно, что для разных групп в рамках одного и того же проекта существуют различные условия вхождения – высота того барьера, который необходимо преодолевать для включения:

«Неравный доступ к языку и культуре более развитого в политическом и экономическом отношении центра и удерживание коренных жителей в рамках местных культур, что часто возбуждает в них и в их лидерах культурный и политический национализм, безусловно, являются своего рода сопротивлением энтропии. Рабочим-мигрантам, не владеющим даже диалектным вариантом основного государственного языка, которым пользуются чиновники и предприниматели, именно по этой причине будет изначально отведено место внизу социальной иерархии. Из-за этого у них

---

⁷ Например, недостаточно ресурсов для создания системы массового обучения той степени плотности, на которую существует запрос. Это означает, что массы населения приобретают первоначальные культурные навыки современной эпохи через альтернативные системы или сохраняют во многом свои доиндустриальные практики, модифицируя их в меняющихся реалиях – вне эффективного доступа к «высокой культуре». Другим осложнением может стать обеспечение подобного доступа без достаточных социальных лифтов – иными словами, когда формируется более или менее значительный образованный слой, при этом не находящий себе того применения в существующих условиях, на которое он претендует. В том случае, когда интеллектуалы, находящиеся в подобном положении, принадлежат к преобладающей культурной общности, они становятся противниками существующего политического и социального порядка – из них, тех, кто в достаточной мере активен и радикален, рекрутируются революционеры. Однако в том случае, когда интеллектуал, находящийся в подобном положении, способен соотносить себя с каким-либо меньшинством, то для него открыта опция не изменения «общего порядка вещей» в данном сообществе, а действий, направленных на дистанцирование от него, соотнесения себя с другой общностью – положение которой и положение себя теперь описываются через угнетенное, несамостоятельное положение не социального слоя, но этнического сообщества. Так, например, для окончившего гимназию выходца из белорусского местечка в 1890-х гг. была возможность соотносить себя с «русской интеллигенцией» и включиться в борьбу с самодержавием или же выбрать, например, путь сионизма или еврейского рабочего движения – или, как менее распространенный, но также возможный вариант – соотносить себя с более широким, но также обособленным по отношению к Российской империи в целом регионом – с Белоруссией, с ее «народом» (в смысле «простого народа», описав его как белорусов) и стать представителем белорусского национального движения. Отметим попутно, что сам выбор не является однократным – на протяжении жизни, в зависимости от меняющейся ситуации, подобное самоотнесение может измениться, иногда неоднократно.

будет меньше возможностей покончить с несправедливостью, касающейся не только их самих, но и их детей. С другой стороны, когда их язык (или скорее нормативный, упрощенный вариант одного из диалектов) станет языком системы образования, государственных учреждений и делового общения получившего независимость национального государства, именно эти неудобства исчезнут, а культурные особенности больше не будут препятствовать энтропии».

Стройная концепция Геллнера, однако, практически сразу же подверглась серьезной критике – в первую очередь в аспекте прямолинейно прочерченной им связи между индустриальным развитием и национализмом: исторический материал свидетельствовал, что во многих случаях национализм возникал задолго до того, как соответствующее общество вступало в индустриальную фазу, – так, например, применительно к балканским движениям XIX, а во многом и XX в., приходится говорить о вполне оформившихся и достигших успеха национализмах в обществах, которые далеки от индустрии, а главными субъектами такого рода национализмов оказывались местные интеллектуалы, военные и крестьяне.

В усложненной оптике национализм оказывался не следствием индустрии, но «одним из путей в современность»: для целого ряда обществ национальные движения были не следствием вхождения в индустриальное общество, а феноменом, с ним связанным и нацеленным на включение в него. Обращаясь к изложенной ранее модели Ганса Кона, дебаты последних десятилетий относительно истории европейских национализмов привели к разграничению национализмов на две группы:

- первой, весьма малочисленной, включающей «самостоятельные», «автохтонные» нации – образовавшиеся под влиянием внутренних вызовов – примерами чему служат Англия и Франция;

- и второй, включающей при всех внутренних различиях практически все известные типы национальных движений, имеющих *реактивный* характер, – образовавшихся под влиянием внешних вызовов со стороны уже оформившихся национализмов по модели цепной реакции – когда, в противостоянии вызову со стороны другой национальной группы, противостоящее ему сообщество вырабатывает собственные национальные проекты.

Примером второго рода может служить Германия – формирование немецкого национализма тесно связано с наполеоновскими войнами, сознанием неспособности противостоять наполеоновской Франции, особенно острым после разгрома Пруссии в 1806 г., пережитым немецкими элитами – и необходимости не только глубоких реформ, чтобы оказаться способными дать ответ Франции, но и общественной мобилизации – в том числе в сугубо военных целях, поскольку революционная и наполеоновская армия продемонстрировала, каким ресурсом является массовая, народная армия, а для последней, в отличие от профессиональной, необходимо, чтобы солдаты понимали, за что они сражаются, были способны отождествлять себя с государственными военными целями, испытывали патриотизм, т. е. были сознательными гражданами – принадлежали к нации. Таким образом, национальный импульс здесь был во многом привнесенным извне – нация формировалась как ответ на создавшуюся извне ситуацию и, что особенно важно, формировалась достаточно сознательно, с оглядкой на уже существующие образцы: подобное положение вещей вполне типично для процессов нациестроительства в XIX–XX вв., когда различные государства и национальные движения опираются на существующий опыт, постоянно взаимодействуют друг с другом и усваивают продемонстрировавшие успешность практики. В этом, собственно, нет ничего удивительного – значимо то, что во многих случаях национализм выступает в роли заимствуемой культурной модели: подобно тому, как в современном мире для государства, чтобы быть принятым в число других, необходимо (за малочисленными исключениями) декларировать, что оно является демократическим и обладает соответствующими атрибутами – например, представительными органами власти,

независимо от того, в какой степени их декларируемые полномочия и функции совпадают с реальными, так к началу XX в. быть «современными» значило говорить на языке национализма – польского, индийского или египетского.

Другой значимый аспект в изучении наций и национализмов был поднят в знаменитой работе Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» – в отличие от Геллнера, Андерсон сосредоточивается на медийной природе нации. Необходимо уточнить, что «воображаемый» характер нации не имеет отношения к совершенно ложному тезису о ее иллюзорности – понятие «воображаемого сообщества» противопоставляется сообществу «реальному», т. е. человеческим сообществам, члены которых взаимодействуют «лицом к лицу», имеют непосредственные контакты, как, например, жители деревни. К числу «воображаемых сообществ», помимо нации, принадлежит, например, церковь – католик знает тех, кто принадлежит к его приходу, знает отца-настоятеля, может быть знаком с епископом, возможно, имеет контакты той или иной степени интенсивности с прихожанами нескольких других приходов, и есть шансы, что видел нескольких епископов, кардиналов и удостоился чести лицезреть Святого Отца. Однако если говорить о таком человеческом сообществе, как католическая церковь (беря исключительно социальный аспект), любой человек в своих контактах весьма ограничен – круг его взаимодействия включает несколько сотен, возможно даже – тысяч человек, но не более того. Равным образом, когда мы говорим о «государстве», например о России или о Франции, то мы не можем его увидеть – причем принципиально, ведь это не наблюдаемый объект: даже если нам доведется посмотреть из космоса, то мы увидим лишь поверхность земли, но никак не государственную территорию – у нас может быть опыт пересечения государственной границы, но и в этом случае мы видим конкретные строения, шлагбаум, людей в форме – когда мы приходим в суд или в полицию, то и там мы не можем увидеть «государство как таковое»: государство мы созерцаем, разглядывая политическую карту, где проведена линия, обозначающая государственную границу и территория в пределах этой линии закрашена каким-то цветом – карта визуализирует территорию страны, символы – такие, как государственный герб и флаг, гимн – обозначают для нас государство, равно как форма одного вида отличает для нас наших пограничников от польских на государственной границе. «Воображаемые сообщества» – это те, которые приобретают для нас реальность как целое именно через подобные проявления, мы переживаем свою принадлежность к ним в своем воображении, а не в реальных действиях – т. е., когда мы участвуем в сельском сходе, то мы можем наблюдать всех или большую часть обитателей села, а когда участвуем в параде или шествии, прославляющем наше отечество, то тогда каждый из нас, переживая реальность действия и через него испытывая принадлежность к сообществу, тем не менее само действие определяет как «представительство» нации/государства/церкви – т. е. замену одного объекта другим, долженствующим его представлять (другое дело, что характер этой замены может пониматься, допустим, как символический, в понимании Шеллинга, т. е. как «конечное воплощение бесконечного»).

Тем самым процесс нациестроительства – это процесс, в ходе которого члены одной нации научаются «совместно воображать», не обязательно одинаково, но достаточно однородно – что и делает их членами одной нации, они принадлежат к одному информационному сообществу, т. е. не только обмениваются информацией, но и обладают в достаточной мере общим контекстом. Создание нации, таким образом, связано с поздним модерном теперь уже не в рамках предложенной Геллнером прямой зависимости от индустрии, а с появлением медиа, быстрым процессом вовлечения большей части общества в единую систему информационных обменов. Нация строится через посредство: (1) школьного образования – которое распространяет, например, единый нормативный язык, общее представление о прошлом, общий культурный канон; (2) армию, во многом выполняющую те же функции; (3) средства массовой информации – сначала массовая печать, «век газет», а затем радио и телевидение, обеспечивающие общенациональную информационную повестку, и (4) создание мест памяти – от

национальных монументов до национальных музеев, структура экспозиции которых призвана провести посетителя от глубокой древности к настоящему моменту, показать нацию в истории – как она прошла свой тяжелый, но неизменно славный путь, чтобы достигнуть настоящего момента и предуготовить славу в будущем, которая превзойдет или будет достойной прошлого.

Теории 1980-1990-х гг. ставили в центр внимания проблематику «нации», увязывая с ней «национализм» как движение, направленное на создание таковой. Однако по мере того, как дискуссии углублялись и методологические вопросы становились все более сложными, становилось очевидным, что парадоксальным образом собственно «нации» вполне не встречается – каждое национальное движение отсылает к примеру неких других «наций», состоявшихся, создавших «национальное государство», но на практике последние регулярно апеллируют к прошлому, когда «национальное единство» действительно существовало, и/или обращаются к будущему, призывая к действиям, которые позволят «нации» осуществиться, преодолев современные препятствия. В этой связи в последние годы гораздо чаще говорят не о «нациях», а о «национализмах» – если итогом дискуссий предшествующих лет стал консенсус, согласно которому не «нации» порождают «национализм», а последний, напротив, формирует «нацию», то в современной оптике «нация» все чаще осмысливается как «идеальный объект», образ, определяющий действия конкретных групп (см. работы Р. Брубейкера).

Подход к пониманию наций и национализмов, представленный в работах Андерсона, Геллнера, Хобсбаума и целого ряда других авторов, получивший название «конструктивизма», встретил критику, в первую очередь в том отношении, что он акцентировал модерную природу названных феноменов – на взгляд оппонентов, в первую очередь Энтони Смита, современные нации вырастают на домодерных основаниях, степень разрыва с предшествующими формами не следует преувеличивать. Вместе с тем, на наш взгляд, большая часть критики, направленной в адрес конструктивистских теорий, недостаточно учитывает то обстоятельство, что для последних в центре внимания находится (и будет находиться для нас) нация как политический феномен – для предшествующих XIX в. времен о последнем говорить в сколько-нибудь близком к современному значению практически не приходится, особенно если исключить случай Англии, справедливо считающейся первой современной нацией. Политическая общность, расширяющаяся в идеале до всех жителей данной страны, образуется, разумеется, не на пустом месте – однако само складывание политической общности означает переход в другой род: сами по себе исторические предания, этнические различия и т. п. практически бесконечны в своем разнообразии – не все они в равной степени пригодны, чтобы стать факторами массовой мобилизации, но их всегда больше, чем тех, каковые станут *значимыми*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.